

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г. Настоящий перевод не налагает на Суд никаких обязательств. Дополнительная информация приводится в полной версии уведомления об авторском праве в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике суда № 96

Апрель 2007 г.

Дело «Матыек (Matyjek) против Польши» - 38184/03

Судебное постановление от 24.04.2007 г. [Секция IV]

Статья 6

Уголовное судопроизводство

Статья 6-1

Право на справедливое слушание дела

Ограничение доступа к материалам дела в люстрационном разбирательстве, повлекшем временное лишение права занимать государственную должность: *нарушение*

Обстоятельства дела: Законом о раскрытии фактов службы в органах государственной безопасности или сотрудничества с ними в период 1944-1990 годов лицами, исполняющими публичные функции (Закон «О люстрации» от 1997 г.) были предусмотрены санкции в случае признания люстрационным судом декларации, подаваемой должностным лицом в соответствии с положениями Закона, ложной. Санкции включали увольнение с государственной службы и запрет на занятие определенных юридических или политических должностей в течение до десяти лет. Отдельными законодательными актами ограничивался доступ к конфиденциальной информации.

Заявитель, являвшийся членом парламента, заявил, что не сотрудничал со спецслужбами коммунистического периода. В 1999 г. против него было начато разбирательство на основании того, что он предоставил ложные сведения в своей декларации, отрицая факт сотрудничества со спецслужбами. Для ознакомления с материалами дела заявитель должен был обратиться в специальный «архив секретных документов» люстрационного суда. Ему было отказано снимать копии с документов или делать какие-либо выписки. В декабре 1999 г. в ходе слушаний *при закрытых дверях* апелляционный суд, выступавший в качестве люстрационного суда первой инстанции, пришел к заключению, что заявитель предоставил ложные сведения в своей декларации, и, в действительности, имело место сотрудничество со спецслужбами. Заявителю была оглашена резолютивная часть постановления, а с обоснованием решения, на которое был поставлен гриф «совершенно секретно», можно было ознакомиться только в «архиве секретных документов» суда. В феврале 2000 г. тот же апелляционный суд, выступавший, на этот раз, в качестве люстрационного суда второй инстанции, отклонил апелляцию заявителя. Тогда заявитель обратился с кассационной жалобой в Верховный суд, который отменил предыдущее

постановление и вернул дело на повторное рассмотрение в люстрационный суд второй инстанции на тех основаниях, что ходатайство заявителя о вызове двух дополнительных свидетелей было оставлено без внимания. Позднее в 2000 г. руководитель органа государственной безопасности снял все ограничения секретности в отношении всех имевшихся по делу материалов. В 2001 г. после открытого судебного заседания апелляционный суд отменил постановление и направил дело в люстрационный суд первой инстанции. В ходе разбирательства, проведенного частично *при закрытых дверях*, суд вновь пришел к выводу, что заявитель в своем люстрационном заявлении предоставил ложные сведения. Последующие апелляции заявителя были отклонены.

Право: Государствам, использующим люстрационные санкции, необходимо обеспечить наличие всех процессуальных гарантий для лиц, ставших объектом люстрации. Несомненно, что в некоторых случаях интересы государства диктуют необходимость сохранения секретности документов, составленных в период коммунистического режима, однако это может допускаться только в исключительных случаях с учетом истечения значительного срока с момента их составления. Обязанность обоснования указанных интересов по каждому конкретному делу лежит на правительстве государства. Использование системы, при которой результат разбирательства в значительной мере зависит от восстановления действий, предпринятых бывшими спецслужбами, тогда как материалы, имеющие значение для дела, продолжают оставаться секретными, и любые решения по снятию секретности относятся на усмотрение действующих спецслужб, создает для заинтересованных лиц очевидные неудобства. На отсутствие достаточных гарантий в настоящем деле указывают четыре фактора. Во-первых, по крайней мере, часть документов по делу заявителя носила гриф «совершенно секретно», а полномочиями на снятие грифа секретности наделен лишь руководитель органа государственной безопасности. Такая ситуация не совместима с требованием процессуальной справедливости. Во-вторых, несмотря на предоставление заявителю доступа к материалам дела после начала производства, оставался ряд существенных ограничений: заявитель не мог делать копии документов, а с секретными документами мог ознакомиться только в специальном архиве люстрационного суда. Любые заметки (включая заметки, сделанные во время слушаний, большинство из которых проводились *при закрытых дверях*) могли заноситься только в специальные блокноты, печатаемые и сдаваемые на хранение в специальный архив, без права их последующего использования в люстрационном суде. Аналогичные ограничения распространялись и на действия адвоката заявителя. Несмотря на снятие грифа секретности с некоторых документов в декабре 2000 г., ограничения по-прежнему применялись к новым документам, впоследствии приобщенным к делу. Принимая во внимание значение процедуры люстрации для заявителя — риск потери репутации и риск запрета на занятие государственной должности в течение десяти лет — Европейский суд счел, что для заявителя крайне важно было иметь неограниченный доступ к материалам дела, а также возможность беспрепятственно пользоваться своими заметками и делать копии соответствующих документов. В-третьих, довод правительства государства-ответчика о применении точно таких же ограничений доступа к конфиденциальным документам в ходе разбирательства для представителя государственных интересов, не был принят, так как, в соответствии с национальным законодательством, представитель государственных интересов был наделен такими же полномочиями, как и прокурор, включая право на доступ ко всей документации бывших спецслужб в отношении заявителя, являющегося объектом люстрации. И, наконец, несмотря на решающее значение для заявителя судебных постановлений, принятых в декабре 1999

г. и феврале 2000 г., поскольку в силу последнего постановления заявитель был лишен места в парламенте, ему было оглашена лишь их резолютивная часть.

С обоснованием, изложенным в письменном виде, заявитель мог ознакомиться только в «архиве секретных документов» суда. Степень секретности документов, ограничения права доступа заявителя к материалам дела, а также привилегированное положение представителя государственных интересов в ходе разбирательства существенно ограничили возможности опровержения выдвинутых против заявителя обвинений. Таким образом, процедура люстрации и совокупное применение указанных правил, возложили на заявителя практически непомерное бремя и не соответствовали принципу равенства процессуальных возможностей сторон по делу.

Постановление: нарушение пункта 1 статьи 6 во взаимосвязи с пунктом 3 статьи 6 (принято единогласно).

В порядке применения статьи 41 Конвенции, Европейский Суд счел, что признание факта нарушения требований Конвенции является достаточной и справедливой компенсацией морального вреда.

См. также дело «Турек против Словакии» [Turek v. Slovakia] (№ 57986/00) в Информационном бюллетене № 83.

К бюллетеням Европейского суда по правам человека можно перейти по следующей ссылке: [Case-Law Information Notes](#)

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Настоящий перевод не имеет обязательной силы для Суда, и Суд не несет ответственности за его качество. Данный перевод может быть загружен из базы данных по прецедентному праву HUDOC Европейского суда по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int>) или из любой другой базы данных, в которую он был внесен Судом. Текст перевода может воспроизводиться для некоммерческих целей, с обязательным указанием полного названия дела и вышеприведенным уведомлением об авторском праве. По вопросам, связанным с использованием какой-либо части перевода в коммерческих целях, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int